

Вспоминая Владимира Науменкова

Ныне покойный Владимир Науменков так и не стал официально признанным поэтом. Да и после смерти союз писателей никак не обозначил его значимости. А значимость заметна и, кажется, не требует доказательств. Ими может служить хотя бы то, что с годами Науменков не забывается, о нем говорят, пишут, исследуют творчество. Ему подражают, посвящают стихи. За его творческое наследие борются.

Науменков был большим, настоящим поэтом, который мог бы принести славу Камчатке. Но, увы, не был признан официально.

В 1983 году я работал в Пенжинской геологоразведочной партии и жил в далеком северном поселке Первоуренское. Телевизора у меня не было, и я запоем читал книги из местной библиотеки и писал стихи. Читал и областную прессу — газеты «Камчатский комсомолец» и «Камчатская правда». Любимыми рубриками в «Камчатской правде» были «Субботние чтения» и «Литературная страница» под редакцией Виктора Кудина.

Однажды я решил послать несколько своих стихов в эту газету. Через полтора — два месяца пришел ответ. Письмо было коротким, примерно такого содержания: «Стихи неплохие, но требуют доработки. В таком виде опубликовать не можем. Будете в Петропавловске, обязательно заходите». И подпись: литконсультант газеты Владимир Науменков.

Впервые я зашел в «Камчатскую правду» 15 апреля 1988 года и встретил Науменкова. Он оказался любопытным и сразу спросил:

— А вы кто?
Я представился. Владимир Иванович широко и приветливо заулыбался:

— А, тот самый, автор «КК»! Давно хотел узнать Вас...

Так мы с ним тогда и познакомились.

Работать в газете «Камчатская правда» я начал в ноябре 1989 года. Какая интересная творческая атмосфера царил тогда в редакции! Я делил кабинет с собственным корреспондентом газеты по рыболовному флоту и водному транспорту Геннадием Струначевым, который не только много писал статей и репортажей, но и одновременно работал над рукописями двух книг — своей и покойного отца. Я, как новичок, тоже напряженно работал для газеты. Наша занятость была так велика, что почти не давала возможности общаться друг с другом. Поэтому мы с Геннадием подолгу сидели молча и сосредоточенно в своих углах за письменными столами. Также тихо, да еще и закрывшись в своих отдельных кабинетах, работали по соседству журналисты Александр Романов и Валентин Пустовит. Совершенно не слышно было и Владимира Лима, много и интересно писавшего о людях Камчатки. В полной тишине витала в облаках сигаретного дыма и новых экологических мыслей Ольга Павлова. Зато неумно громкими были Ирина Белашева, чтобы поделиться замыслами, впечатлениями от встреч, командировок, Ная Рожнова, собиравшая у себя в кабинете шумные компании,

и непосредственный, сверхэнергичный и шумный Владимир Иванович Науменков.

Владимир Иванович был из тех, к кому я относился как к мэтру. Мне, начинающему журналисту, было стыдно даже рта открывать в присутствии таких людей. К тому же, Науменков был поэтом, а эта высота осталась для меня недосягаемой.

При всей своей непосредственности и крикливости, Владимир Иванович оказался человеком скромным и, как мне показалось, незащищенным. Хамству и наглости он противостоять не мог, или не умел. Если случалось, что ему откровенно дерзили, он лишь растерянно улыбался и хлопал глазами. Когда, бывало, с ним обходились свысока, снисходительно, он этого старался не замечать, потому что, наверное, не знал, как себя в этом случае подать. А вообще, он был действительно непосредственным, шепотным, громкоголосым человеком.

В редакции его слышали издали. Если в узком редакционном коридоре вдруг возникал непонятный шум, то смело можно было пред-

полагать, что там — Владимир Иванович Науменков. Весь сосредоточенный на какой-то своей мысли, он обычно не замечал, что, бегая по коридору из кабинета в кабинет, громко кричит, обращаясь к сотрудникам — сразу ко всем вместе, или кому-то конкретному. Например, он мог выкрикивать, обращаясь из коридора, еще не добежав до нужного кабинета:

— Гена, сколько будет строк в твоём материале? Саша, ты не сможешь заполнить дырку в пятьдесят строк? Лим, придумай-ка мне вот сюда заголовок!..

Зайдя в кабинет, он повторял вопрос, останавливался возле стола и ждал ответа. При этом мог вдруг заговорить на любую тему, например, обсудить какой-то твой материал, похвалить или покритиковать его отдельные места.

Казалось бы, зачем ему, заместителю ответственного секретаря, нужно было знать начинку наших статей и очерков? Знал себе размер материала да тему в общих чертах, чтобы поставить его в нужном месте газеты. Ан,

нет, Владимир Иванович обязательно, и, причем непостижимо быстро, прочитывал все, что несли в номер.

— Саша, ты правильно подметил в своей статье чванливость Н., — мог, например, неожиданно громко и резко сказать мне Науменков, когда я по какому-либо делу заглядывал в секретариат. При этом глаза Владимира Ивановича обязательно искрились лукавством. Перекинув папироску в другой угол рта, он мог продолжать примерно так: — Я ведь его хорошо знаю, он именно такой. Ты молодец!.. А вот в прошлом номере ты зря, по-моему, так длинно описал свои впечатления. Смазалось все...

Вернувшись к себе и перечитав те места материала, о которых говорил Науменков, я зачастую обнаруживал его правоту, точность его замечаний. Или открывал для себя что-то новое в своей же статье. Зорким и мудрым был Владимир Иванович. И умел подсказать так, чтобы не обидеть.

Но иногда все-таки обижал, был беспощадным. Обычно это происходило в редакционном застолье, в

междусобойчике. Пьянел Владимир Иванович быстро, голос его становился все громче, обязательно возникал спор, и тогда в дело шли любые аргументы, даже самые обидные. Но правдивые, те, которые в обычной обстановке не приводят. Однако ему прощали. Он был настоящим любимцем редакции, ее душой. И вообще, был очень душевным человеком.

Однажды, в таком междусобойчике я признался Владимиру Ивановичу в том, что когда-то присылал ему свои стихи, а он их отверг. Науменков начал откровенно сокрушаться:

— Да ты что? Я не знал, что ты поэт. Или ты с тех самых пор и не пишешь? Неужели я загубил в тебе поэта?.. Саша, прости, если сможешь.

Я начал его успокаивать, сказал, что поэтом себя не считаю, стихи сочинял, как и многие, чисто ремесленно, неумело. Он настаивал, чтобы я вновь показал ему те самые стихи, которые когда-то присылал на его суд. На том и договорились. Всех своих старых стихов я не нашел, но кое-какие Владимиру Ивановичу принес. Через день он сказал мне:

— Некоторые я бы напечатал, но не все... А вообще, с тобой надо было работать, хотя жил-то ты вон где...

В июне 1994 года Науменков был уволен из редакции «Камчатской правды» с формулировкой «в связи с уходом на пенсию», хотя очень не желал этого. Это его подкосило, ему не хотелось жить. Тем более что и в государстве происходила ломка, и он повторял: «Не хочу и не могу всего этого видеть, мне это не интересно»...

23 апреля 1995 года, в Пасху Владимир Иванович умер...

На Камчатке он был самым русским поэтом. Не в смысле чистоты своей национальности, а содержанием своих стихов. Весной всегда вспоминал, как цветут сады. У нас ведь весна затяжная, холодная, и он тосковал по весне своей родины. Но всегда сравнивал белые гребенки морских волн с белой пеной яблоневых садов. Камчатку он очень любил. Но не парадную, как он говорил: «я не люблю Камчатку Гипенрейтера», а любил Камчатку рабочую, рыбацкую, северную, суровую. Очень любил камчатское лето, когда солнышко светит и греет, когда можно выйти на природу. А вообще, он просто любил Россию, Отечество. Он считал русский народ, себя униженными и оскорбленными. Так и говорил: «Мы униженные и оскорбленные». Он не простил немцам за войну, за разруху, за своего отца, за себя, что не смог, как и многие дети деревни остаться на родине, вынужден был уехать учиться, затем работать. Он очень жалел русский народ...

Каждый год 1 сентября друзья отмечают день рождения Владимира Ивановича. Идут на кладбище, открывают на могиле водку, читают его и свои стихи, вспоминают былые годы...

Лично я, перечитывая его отдельные стихи, всегда захожу в них что-то для души. Как отдушину...

Материал подготовил Г. СТРУНАЧЕВ-ОТРОК.

1 СЕНТЯБРЯ 1999 ГОДА ПОЭТУ ВЛАДИМИРУ НАУМЕНКОВУ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 62 ГОДА

ОН ЖИЛ и умер, как и подобает честному истинно русскому человеку. Он никогда ни перед кем не пресмыкался, не разводил интриг, не старался кому-либо подражать. Был настоящим русским офицером — гордым и неподкупным, если дело касалось чести Отечества.

Родился Владимир Иванович в 1937 году в селе Кудинцево Курской области. А курская земля покоит веков славилась не только своими соловьями, но и поэтами.

Судьба Владимира типичная для его сверстников: школа, фабрично-заводское училище, служба на флоте, которая будущему поэту настолько пришлась по душе, что решает поступать в Высшее военноморское училище имени М. В. Фрунзе. С 1962 года служит на Камчатке во флотильской газете «Залп». Еще в училище вступил в ряды КПСС, и никогда не жалел об этом, даже, когда его исключили из компартии в 1967 году за критику культа личности Сталина.

Владимир был очень думающим человеком, душа которого принадлежала российскому народу. Он до такой степени скрупулезно изучал историю Отечества, что меня это порой возмущало. «Вы копаетесь в архивной пыли, от жизни уходите. Попробуй, не кривя душой, описать настоящую жизнь», — в сердцах говорил я ему. Навивный был, не понимал я тогда, что писал он о прошлом, зная, что без него нет ни настоящего, ни будущего.

В сегодняшнем выпуске страницы студии писателей баталистов и маринистов мы публикуем очерк (Александра Смышляева о Владимире Науменкове и отрывок из поэмы «Земля над океаном». А в следующем номере мы познакомим читателя с воспоминаниями жены поэта и подборку его стихотворений.

Геннадий СТРУНАЧЕВ-ОТРОК, редактор студии баталистов и маринистов.

Земля над океаном

(ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ)

1. ПРОЛОГ О СОПКЕ ЛЮБВИ.

НА НИКОЛЬСКОЙ сопке прорастают среди ветров и пург,

что ходят воя, на скалах реалии старых баталий — лафеты и стволы над морем. Край голубых изваяний Плечистые земли предков. И стволы лежат, как славяне. И сопка для них — лафетом. Над океаном — непокаяние... Над океаном не небо чистое — покоится слава казаков. Нет их в живых, защитников, — только оплакивать. Не проступает кровь на камни — все в Лету кануло. Но камни — символы ушедшего в легенды боя за честь окраины России, за землю, вставшую над морем, и за свободу окаянную, что проклинали, горемыки, здесь, на земле над океаном, и за беду свою великую.

6. СРАЖЕНИЕ.

ДАЛЕК Кронштадт от снежных сопки. Рука царева не спаситель. Какое дело царской свите до этих беззащитных сотен. Пока дошла война по трассам, по трактам и по морю бурному,

эскадра с убиенным Прайсом палила по казацким брестерам. Но не вздымала флага белого царем забытая окраина, а насмерть драться страсть имела и первой кровью скалы красила. И поднимала флаги красные. Над каменными просторами их полоскал могучий ветер... И батареи — горстки эти подняли штык перед корсарами и лечь желали до единого, не посрамив знамена родины. Красный яр, Сигнальный мые сабли выкинули ввысь. И, заваленные ядрами, по фрегатам били яростно. Пушкеры вздымали банники и имя грозили морю. Мальчонка кулачком маленьким грозил под ядрами разбойникам. Прислуге батарейной душно. Цветет в разрывах даль глухая. И комендоры задыхались, являя непреклонность духа. А бой все шел — дуэль неравная. Максutowцы слегли от ран. И только командир в агонии одной рукою вел огонь. И над кровавыми носилками, свистя шипуче, смерть носилась, метался он в гранитном ливне, крича себе команду: «Пли!»